

Марина Ивановна ЦВЕТАЕВА

(1892–1941)

М.Цветаева — самобытная поэтесса, не принадлежавшая ни к каким группировкам и течениям русской поэзии первой трети XX века, несмотря на то, что большинство поэтов предреволюционных и пер-

вых послереволюционных лет так или иначе заявляли о своих «клановых» симпатиях и пристрастиях. Для Марины Цветаевой характерна ранняя самобытность, независимость в жизни и творчестве.

Первый сборник — «Вечерний альбом» — она опубликовала в 18 лет, не поставив об этом в известность никого из домашних. Ее стихи сразу же были замечены «мэтрами» русской поэзии тех лет: Н.Гумилевым, В.Брюсовым. Уверенность в себе, в своем творчестве, высказанная в одном из первых стихотворений («Моим стихам, как драгоценным винам, придет черед») (1913), подтвердилась дальнейшим развитием событий.

Судьба ее сложна и трагична. В 1922 году, потеряв одну из дочерей, умершую от голода и болезней, она уезжает из России в эмиграцию, к мужу, бывшему белогвардейскому офицеру, проживавшему в Чехии, затем переезжает в Париж. В среде белой эмиграции она чувствовала себя чужой, хотя и воспевала ее в ряде стихотворений. Повсюду ее сопровождали бедность, чувство одиночества, изгнанничества. Тем не менее, несмотря на все превратности судьбы, ни на минуту не прекращалась постоянная работа над словом, над стихом, велась переписка с друзьями, единомышленниками, крупнейшими поэтами эпохи — Маяковским, Пастернаком.

Выходят сборники «Психея», «Ремесло», «После России». Создаются крупные поэтические произведения, лирическая проза, трактаты об искусстве.

В 1939 году М.Цветаева возвращается на родину, в Советский Союз, куда еще раньше приехали ее муж и дочь Ариадна. Возвращается, хотя давно понимает:

Той страны на карте —
Нет. В пространстве — Нет.
Выпита, как с блюда, —
Донышко блестит.
Можно ли вернуться
В дом, который скрыт?

(1932)

Поняв ошибочность своего шага, по сути, погубившего семью (муж и дочь репрессированы, сын призван в Красную Армию, его ждет фронт), она в августе 1941 года кончает жизнь самоубийством в Елабуге, куда была эвакуирована вместе с другими писателями в начале Великой Отечественной войны. Не дано ей было обрести вечный покой на родине, в Москве, как мечталось в одном из ранних стихотворений:

Мне же — вольный сон,
колокольный звон,
Зори ранние
На Ваганькове.

(1916)

Могила ее неизвестна.

Лирика

«Моим стихам, написанным так рано...». Встреча с Пушкиным.
«Уж сколько их упало в бездну...» Стихи к Блоку. «Другие с очами и личиком светлым...» Владимиру Маяковскому. «Русской ржи от меня поклон...» Стихи к Чехии. Стихи о Москве. Психея.

Вопросы.

1. Жизнь и судьба Марины Цветаевой.
2. Тема творчества в поэзии Цветаевой.
3. Родина в судьбе и поэзии Цветаевой.
4. Особенности поэтики Цветаевой.

Поэзия Марины Цветаевой в полной мере раскрывает масштаб ее личности, сравнимый с земными и небесными стихиями, не знающий удержу ни в чем: ни в любви, ни в творчестве, ни в работе. В стихотворении «Другие — с очами и личиком светлым...» (1916) она так говорит о смысле своего бытия на земле:

Другие всей плотью во плоти блуждают,
Из уст пересохших дыханье глотают...
А я — руки настезь!» — застыла — столбняк!
Чтоб выдул мне душу российский сквозняк!

Поэтесса умирает с каждым стихотворением, но и возрождается вместе с ним, питая своим творчеством страждущих духовной пищи:

Вскрыла жилы: неостановимо,
Невосстановимо хлещет жизнь.
Подставляйте миски и тарелки!
Всякая тарелка будет — мелкой!
Миска — плоской.
Через край — и мимо —
В землю черную, питать тростник
Невозвратно, неостановимо,
Невосстановимо хлещет стих.

(1934)

Не чувствуя зависимости от литературной моды, от группировок и течений начала XX века, она чувствует свою сопричастность высокой поэзии, чувствует себя своей в кругу великих поэтов: Беранже, Державина, Пушкина, Блока, — обращаясь к ним в своих стихах не потому, что считает себя равной им, а потому, что считает себя единомышленницей, служит тому же великому и испепеляющему искусству, что и они:

Я знаю: наш дар — неравен,
Мой голос впервые — тих.
Что вам, молодой Державин,
Мой невоспитанный стих!

Цветаева неоднократно посвящала стихи своим современникам-поэтам, с которыми чувствовала особое духовное родство, видела тот же тяжкий груз «избранничества»: Блоку, Ахматовой, Мандельштаму, Пастернаку, Маяковскому. Поэтический «роман» с Блоком растянулся на годы. Первое стихотворение, посвященное Блоку, да и, пожалуй, самое известное — «Имя твое — птица в руке...» — написано в 1916 году, а в последних оплакана его безвременная смерть в 1921 году: «Вот он — гляди — уставший от чужбин...», «Други его — не тревожьте его!..», «А над равниной — крик лебединый...», «Не проломанное ребро — Переломанное крыло...» «Без зова, без слова...» и др. Цветаева не была знакома с Блоком лично. Она видела его всего дважды в жизни — в 1920 году, когда он выступал с чтением своих стихов в Москве. Тогда же она передала ему свои стихи. Ответа не получила, но, по признанию друга Блока, тот внимательно и долго их читал с необъяснимой «до-олгой» улыбкой. Свое преклонение перед Блоком, которого она считала «сплошной совестью», «явным торжеством духа» над земными приметами, она пронесла через всю жизнь. В блоковском цикле М.Цветаевой явственно ощущаются библейские мотивы, не случайно она говорила, что воспринимает блоковскую смерть как вознесение. Уже в стихотворении 1916 года «Ты проходишь на запад солнца...» перефразированы слова молитвы «Свет тихий». Она называет Поэта «Божий праведник мой прекрасный, / Свете тихий моей души» и счастлива тем, что может издали поклоняться «восковому, святому лику». В том же 1916 году — предчувствие, предсказание гибели поэта и его бессмертия:

Думали — человек!
И умереть заставили.
Умер теперь. Навек.
— Плачьте о мертвом ангеле!

...
Черный читает чтец,
Топчутся люди праздные...
— Мертвый лежит певец
И воскресение празднует.

В стихах Блока она видит пророчества «о том, / Какие дни нас ждут, как бог обманет, / Как станешь солнца звать — и как оно не встанет...».

В то же время Цветаева не обходит вниманием и земную, страстную, «метельную» натуру поэта. В стихотворении «Имя твое...» в ассоциации с именем поэта включается весь мир: птица в руке, льдинка на языке, мячик, пойманный на лету, камень, кинутый в тихий пруд, поцелуй в глаза, поцелуй в снег, глоток голубой воды из родника, сладкий сон, — в общем, все, что душу и очищает, и «одевает в плоть», говоря словами С.Есенина. Тот же принцип метафор и ассоциаций — в стихотворении «У меня в Москве — купола горят...»: «Всей бессоницей я тебя люблю, / Всей бессоницей я тебе внемлю — / О ту пору, как по всему Кремлю / Просыпаются звонари»). Поэтесса хочет подарить Блоку самое прекрасное на земле — свою Москву, Кремль, в котором «легче дышится, чем на всей земле». И это говорит о многом, ведь Москва — это то место, где Цветаева хотела бы жить и умереть, передав это счастье своим потомкам. Цикл стихов о Москве, по сути, «символ веры» Цветаевой:

Москва! Какой огромный
Странноприимный дом!
Всяк на Руси — бездомный,
Мы все к тебе придем.

(1916)

Московская земля для нее свята: по ней она тихо тронется в путь странницей с крестом серебряным на груди, если уж очень тяжело станет жить, ее она будет целовать в сокровенную минуту, ею же запечатают рот поэта в смертный час (ст. «Над синевою подмосковных роц...» и «Семь холмов — как семь колоколов...»).

Если поэт наделен даром любви к родной земле, то он понимает и боль других народов, становится подлинным интернационалистом. В 1939 году, когда фашисты захватили и расчленили Чехию, в которой М.Цветаева жила несколько лет во время эмиграции, где родил-

ся ее сын Георгий, она на одном дыхании написала цикл «Стихи к Чехии» (1939). Вместе с героем стихотворения «Один офицер» она утверждает непоколебимость тех, кто защищает родину:

Пусть целый край —
К вражьим ногам!
Я под ногой —
Камня не сдам!

Боль ее за поруганную Чехию была тем более остра, что совершила это Германия, родина ее матери, Германия, которую она любила столь же трепетно и страстно. Сколько душевных сил стоил приговор Германии, которая «встарь сказками туманила, / Днесь-танками пошла»: «О мания! / О мумия / Величия! / Сгоришь, Германия! / Безумие, / Безумие, / Безумие / Творишь!».

Вторая мировая война воспринимается как всеобщее сумасшествие. В «Стихах к Чехии» звучат апокалиптические ноты:

О, черная гора,
Затмившая — весь свет!
Пора — пора — пора
Творцу вернуть билет.
Отказываюсь — быть.
В бедламе нелюдей
Отказываюсь — жить.
С волками площадей
Отказываюсь — выть.
С акулами равнин
Отказываюсь плыть...

И только далекая Россия пока еще внушает веру, надежду, любовь: «Русской ржи от меня поклон, / Ниве, где баба застится...»

Недосказанность, лаконизм ее стихов передают скрытую боль, которую страшно обнажить перед читателем, но и хранить в глубине души нельзя — душа разорвется. Стихотворение «Тоска по родине» за иронией скрывает отчаяние:

Тоска по родине! Давно
Разоблаченная морока!
Мне совершенно все равно —
Где совершенно одинокой
Быть, по каким камням домой
Брести с кошелкою базарной...

(1934)

Последние строки стихотворения опровергают его в целом, отрицают это «все равно» по отношению к тому, что на самом деле дороже всего:

Всяк дом мне чужд, всяк храм мне пуст.
И все — равно, и все — едино.
Но если по дороге — куст
Встает, особенно — рябина...

Многозначие скрывает за собой всю гамму чувств человека, потерявшего самое дорогое, разлученного с самым родным.

Конечно, как и любой поэт, М.Цветаева немало стихов посвятила любви. Они полифоничны по своей сути: тут и монолог островитянки, готовой сжечь свое жилье, чтобы приготовить ужин любимому, тут и «попытка ревности», рассказывающая, с каким трудом обретает силы жить покинутая женщина, тут и независимая реплика гордой красавицы: «Благословляю Вас / На все четыре стороны», и тоска одиночества, и духовный поединок равновеликих личностей, и «боль, знакомая, как глазам — ладонь, / как губам — имя собственного ребенка».

Стихи М.Цветаевой эмоциональны, образность сложна и субъективна. Часто стихотворение строится на оригинальном взаимодействии звука и смысла, значения слова и его структуры, семантики и морфологии. Одно слово ведет за собой другое — по смыслу, по смежности, по звуковому подобию:

Отцарствуют, отплачут, отгорят, —
Остужены чужими пятками, —
Мои глаза, подвижные, как пламя.

Структура ее стиха динамична, за действием скрыта сила чувств:

Скоро — закат,
Скоро — назад:
Тебе — в детскую, мне —
Письма читать дерзкие,
Кусать рот.
А лед
Все
Идет.

(1916)

И.Эренбург сказал о поэзии М.Цветаевой в книге «Люди, годы, жизнь»: «В русскую поэзию она принесла много нового: настойчивый цикл образов, расходящийся от одного образа, как расходятся круги по воде от брошенного камня, необычайно острое ощущение

притяжений и отталкиваний слов, поспешность ритма, который передает учащенное биение сердца, композицию стихов и поэм, похожую на спираль, — так потрясенный человек, как бы обрывая мысль, снова к ней обращается, не к ней самой, а к смежной».

Вопросы и задания для самопроверки.

1. Какие места в Москве дороги Цветаевой больше всего, судя по ее стихам?

2. В чем проявляется изменчивость лирической героини?

3. Проследите, как М.Цветаева строит стихотворение на основе развития образной мысли, цепи образов, спирального развития смысла (ст. «Имя твое...», «Над городом, отвергнутым Петром...»).

4. В чем своеобразие ритмики, строфики и рифмы в стихотворении «Германия» из цикла «Стихи к Чехии»?